

## РАЗГОВОР С УЧЕНИКОМ

Адресат этого письма — не мой ученик. Просто он ученик средней школы (наверное десятиклассник), откликнувшийся на статью в газете «Комсомольская правда», о какой-то нечуткости каких-то ребят. Письмо поставило редакцию в тупик, потому что автор его, пользуясь чисто советскими словами о здоровом коллективе и т. п., развил чисто нищенскую идею о том, что слабые, интеллектуально не-полноценные могут быть только терпимы (пока они знают свое место), но относиться к ним как к людям невозможно.

Письмо перепечатали на машинке и раздали всем участникам совещания на тему, которую обесмертил Руссо своими ответом: «способствовало ли развитие наук нравственному прогрессу». Участники пожимали плечами: без каких-то непечатных слов (ну там о бессмертии души и проч.) ответить мальчику казалась невозможным. На совещании у меня разболелась голова от страшного разнобоя: словно лебедь, щука и рак, словно строители вавилонской башни, которым Бог смешал языки, — так предстали элиты пытались приложить свои интеллектуальные конструкции к предложенному вопросу и так это чудовищно беспомощно звучало (за исключением одного нечаянного выступления, — взирава в ответ на какой-то идеологический шаблон, чисто разрушительного, без объединяющей идеи). Разболелась голова, подскочило давление, и я мгновенно поглупел. Эта внезапная слабость и стала ключом к ответу.

На другой день я сочинил свою реплику, она в

общем понравилась, была приготовлена к печати, потом по разным причинам несколько раз задерживалась и наконец была набрана, но снова задержана главным редактором.

После ряда передраг, письмо ученика потерялось, а у меня остался очень испорченный текст, без нескольких моих мыслей и с несколькими чужими выражениями.

Можно было выбросить все в корзину, но это первое мое столкновение с человеком успеха, с героем нашего времени, о котором я много думаю. И ради того, что я еще напишу о нем, мне захотелось восстановить, по мере сил, первоначальный набросок.

\*

...Мне кажется, что Вы рассуждаете совершенно правильно. Этому школа Вас научила. Но непосредственное чувство подсказывает, что выводы, к которым Вы пришли, нелепы. Вспомните геометрические рассуждения, заканчивающиеся формулой: *absurdum est*. Доказательство ведется правильно, но вывод нелеп. Следовательно нелепы исходные предположки. Сознаете ли Вы эту возможность? Мне кажется, Вы очень хорошо сознаете ход рассуждений (до известного момента, дальше которого Вам не хочется идти), но Ваши исходные предположки остаются погруженными в подсознание, в область «само собою разумеющегося». Давайте попробуем раскрыть эти постулаты, отчетливо их написать:

1. Я всегда буду молод.
2. Я всегда буду здоров.

3. Я всегда буду быстро решать интеллектуальные задачи.

4. Я всегда буду жить в коллективе молодых, зловредных людей, быстро решающих интеллектуальные задачи и презирающих тех, кто этого не умеет.

5. Я никогда не окажусь в конфликте со своим окружением; мне никогда не придется в одиночестве выступать против сплоченного большинства, как это приходилось Джордано Бруно, Галилею и многим другим (отнюдь, кстати, не глупым людям).

6. Я вообще не могу ни при каких условиях оказаться неудачником, отвергнутым преуспевающими коллективом.

7. Я никогда не полюблю девушку, которая не захочет вслупить в клуб господ.

8. И т. д.

Но, собственно, кто Вам это обещал?

Какой феее оказали услуги Ваш багюшка — король и Ваша матушка — королева?

Ну, а вдруг Вы заболаете и потеряете способность быстро решать интеллектуальные задачи? Признаете вы себя тогда человеком второго сорта, или перемените теорию?

Ну, а вдруг коллектив вышвырнет вас? Хотя бы по какой-нибудь ошибке, которая разъяснится лет через 5 или через 10? Сумеете вы удержаться один? Или добровольно признаете себя мразью — раз с вами обошлись как с мразью?

Ну, а если вам просто не будет везти? Другие будут получать звания, премии, оклады, а вы — так, на тебе, убоже, что нам не гоже. Сумеете Вы остаться человеком без успеха? Понимаете ли вы что есть два обаяния: одно, растушее от удач и

гаснущее от неудач, — и другое, которое от неудач только разгорается? Что есть люди, живущие в коллективе, — и есть люди, создающие коллектив?

«Коллектив», которым вы гордитесь, напоминает группу ребят, едущих за город и не желающую вытаскивать полуторку, застрявшую в грязи. Им не приходит в голову, что навзтра они сами могут застрять. Им не приходит в голову, что «коллективность», спайка, общность вкусов и мыслей допались им даром. Это просто черта мальчишек и девчонок одного года рождения, связанных общими делами и интересами. Это солидарность, созданная временем, и время очень быстро может ее разрушить. Достаточно перейти из учебного заведения (где пятерок на всех хватают) в жизнь, где первых мест хватает не на всех, где сталкиваешься с людьми разного опыта, разных вкусов (не низших, а просто разных), что тогда? Если мнения разойдутся, если коллектив расколется? Сумеет ваш герой объединить его? Да и захочет ли объединять? А если его самого по ошибке вытолкнут — сумеет ли оставаться на ногах?

Я учился в первом выпуске десятилеток. Четыре года наш класс был самым старшим в школе, три года — единственным старшим. Можете вообразить себе, какими умниками мы себя считали? Сейчас об этом даже вспомнить смешно. Может быть, вы когда-нибудь тоже будете со смехом вспоминать о своих теориях.

Вы складно пишете о «неком современном уровне стандарта человека». Но хороши только стандартные оконные рамы, а не люди. Настоящий человек, прежде всего, не стандарт, а личность. И эта личность остается собой в самых плохих условиях. Даже в очень трудных условиях она не «отстанет в

развитии», не «утонет в мелочах», не станет «негребательным обывателем». И мог бы привести вам в пример нескольких современных писателей, долгие годы не имевших возможность читать книги — и все-таки не потерявших своего дара.

Вы успели оценить в человеке только одно: быструю ум. Ну, и быстроту восприятия модных песен, картин и т. д. и т. п. Я не сторонник тупости, и ценю быстроту ума, и люблю современную живопись, «трудные» стихи. Но можно ли считать это обязательным для всех, имею ли я право презирать людей, которые не понимают, скажем, Мандельштама и Цветаеву, моих любимых поэтов? Из Вашего представления о человеке совершенно выпало самое важное — *красивейшее развигье*.

Отсюда простое деление на сильных (то есть быстро решающих задачи) и слабых (то бишь плохих математиков). Но «сильный» может оказаться в чем-то очень слабым человеком, а слабый — сильным. Может случиться так, что не «сильный» снизойдет только поможет «слабому» (решить уравнение второй степени), а «слабый» поможет «сильному» (вспомните, как глупенькая Соня Мармеладова понадобилась умному Раскольникову! Вы не подозреваете, что хорошее сердце в человеке — гораздо более редкий и ценный дар, чем способность «переливаться оттенками модных увлечений»). Не могу отказать вам в даре слова: отлично сказано! (Если будете писать о «Горе от ума», непременно используйте для характеристики Репетилова).

Вы снизойдете: «для слабых пока еще много дела... и отпоение к ним может быть вполне человеческое — даже заботливое». Но только если слабые «осознают необходимость слушаться и во всем поддерживать сильных», то есть если они са-

ми себя осознают людьми второго сорта. Помилуйте, но что вы практически делаете, чтобы «слабые» знали свое место? Будете вываливать непокорных в луже и перьях? Линчевать? Подумайте немного, и вы поймете, что снобизм, презрение к товарищам, работающим головой медленнее, чем, как вам кажется, делаете это вы, неизбежно провоцирует «обратную реакцию» — хамство, враждебность к интеллектуальному превосходству (даже действительно-му), заставляет простых людей, даже очень неплотных, враждебно относиться к интеллигентности, смешивая ее с вашим высокомерием.

Между тем, люди действительно великого духа никогда не отрицали нравственной равноценности и «первосортности» каждого человеческого существа... «Отвлеченную демократию, справедливость, вечность» вы противопоставляете «реальной жизни, борьбе за успех, за максимальное развитие». А знаете, что мир, в котором царствует «борьба за успех», Гетель назвал «духовным царством животных»? Вы, наверно, никогда не слышали слова английского поэта Джона Драйда, что «человек — это не остров, а часть суши, и где бы ни уменьлился континент, это уменьяешься ты, и потому не спрашивай, по ком звонит колокол — он звонит по тебе». Вы никогда не слышали, что для вполне развитой личности каждый человек (без снобистских кавычек) обладает бесконечным правом на внимание. Вы просто не дошли до этого уровня и не дойдете, пока не почувствуете стыда за свою нравственную недоразвитость.

Ни один человеческий коллектив не может существовать без какого-то минимума солидарности между всеми его членами. Чем многочисленнее и дифференцированнее коллектив, тем это сложнее.

Поэтому существует объективный, не зависящий от вашей и моей воли прогресс нравственных задач. Кромаянцу легко было любить своих ближних: это всего сорок-пятьдесят сородичей, с которыми он находился в постоянном контакте. Цивилизованному человеку приходится быть солидарным с миллионами людей, которых он в глаза не видел. Эта задача, осознанная двадцать-двадцать пять столетий назад, долго решалась только одиночками. Массы продолжали жить по старой групповой морали, все больше и больше распадавшейся (по мере того, как границы группы становились менее определенными и человек становился участником нескольких групп сразу). Отсюда привлекательность примитивных культур, открытая романтиками и модернистами: замкнутая группа земледельцев или скотоводов решает более простую нравственную задачу и решает ее хорошо. Средний бушмен — хороший человек. Средний крестьянин — неплохой человек. А в центрах цивилизации трудно. Средний цивилизованный горожанин, если он не дорос до своей нравственной задачи, стремится уйти от нее, замкнуться в группу с ограниченной ответственностью: в свою нацию, в свою секту. Вы следуйте той же самой логике, пытаетесь создать «общество умников» с ограниченной ответственностью за прочих (глупых, слабых). Но история движется в противоположную сторону. История стиснула три миллиарда людей вместе, в пространство одного летнего дня, и не позволяет решать споры между группами на кулаках: слишком тяжел наш кулак, от удара сегодняшнего кулака может погибнуть вся биосфера. Поэтому развитие чувства солидарности ставится задачей все более и более неотложной для каждого.

Поднять средний уровень нравственной ответственности каждого и всех до уровня, известного раньше только немногим, эту задачу поставил перед нами XX век, век неслышанно острых конфликтов, мировых и классовых войн, когда абстрактные разговоры о гуманности и общечеловеческой нравственности кажутся смешным лепетом. Но именно в XX веке вопрос о соблюдении всеобщих нравственных законов, об обязательном уважении к личности, к врагу на войне, стал предметом международного судебного разбирательства.

Военных преступников судили не за то, что они вели проигранную войну, а за то, что они своих противников не считали за людей, или, если и признавали за людей, то второго сорта. Именно это деяние людей на первосортных и второсортных осознано в XX веке как безнравственность и как преступление, нарушение международной правовой нормы. Вспомните фильм «Нюрнбергский процесс», вспомните Петерсена, стерилизованного потому, что он не сумел решить задачу про охотника и зайцев.

Доподумайте это до конца — и нравственная равноценность каждой человеческой личности станет для вас законом. Равноценность, разумеется, самого человека, хотя и не обязательно его поступков, мыслей, взглядов.

Попытайтесь вообразить себя не за партой, а в большом современном мире, где сталкиваются культуры совершенно различных уровней, совершенно различного склада, где приходится искать решения, приемлемые для белых и черных, китайцев и индийцев, русских и американцев. Попытайтесь мысленно решить хотя бы одну из проблем, как принято говорить, в духе мира и мирного сотрудничества. Попытайтесь это сделать, исходя из

интеллектуального высокомерия вашего героя. И вы увидите, что логическим следствием этого высокомерия может быть только одно: право сильного, кулачное право (если куда-к интеллектуальный, от этого дело не меняется). И это, к сожалению, может испортить не только вашу жизнь, но и жизнь всех людей, с которыми вы соприкоснулись.

1966-1968